

АКТЕРЫ И РОЛИ

АРБЕНИН — ЛЕОНИД МАРКОВ

бы и выразившего собой «странный» мир романтической драмы Лермонтова, столь же условной, сколь и реальной, в которой человеческие чувства, сдерживаемые чеканным ритмом стиха, вдруг прорываются, сходятся мощно и сталкиваются, словно грозовые тучи...

Войти в такой спектакль — ему, актеру очень земной манеры, в котором до сих пор ценили и использовали комедийное начало и сферой которого был быт, жанр, бытовой колорит. Сыграть сложнейшую роль классического репертуара, история которой

знает множество поражений и очень мало побед...

Трудно. Трудно было и нам в первые минуты принять этого Арбенина — длинного, худого, с кудрявой головой, с характерным жестом рук, брошенных за спину и энергически сцепленных там. Ни прижатости, ни округлости движений и интонаций не было в нем. Непривычно молодой, странно молодой, он появлялся в игорном доме друга своего Казарина. Стремительно шел и вдруг останавливался, наткнувшись на что-то видимое лишь ему. Словно так было всегда, давно — что-то постоянно меша-

ло его движению, проявлению могучих душевных сил, kloктавших в нем и прорвавшихся вдруг во внезапной улыбке, в резких и властных поворотах головы, в коротких фразах, которыми он обжигал и колот окружающих.

Он был чужой здесь, чужой всем, чужой всегда. Судьба дала ему ум, сердце, живое воображение. Он был живой. И потому — никому не нужный, опасный, странный в зловещем и мертвом маскараде людей-масок.

Арбенин — Мордвинов, более зрелый, не был своим, но слишком долго прожил в этом мире и знал его, чтобы уметь казаться своим, усвоить внешние законы и приемы общества, существовать в котором был обречен. Прошлое в Арбенине — Мордвинове ощущалось сильнее, держало крепче. Отсюда мертвенность, холодность, демоническое безверье, так пугающее часто возникавшее в мордвиновском герое. Ненавидящий мир, в котором осужден жить, он был частью его, нес на себе печать это-

го мира, след его, как проклятье.

Леонид Марков играет освобождение человека. Прошлое живет в нем как воспоминание, как печаль, которая нет-нет и подыметесь со дна души. Но оно уже отступило. Сейчас он свободен. И счастлив — не только любовью, не только восстановленной верой в то, что в этом жестоком и подлом мире, как просвет во тьме, может существовать, — в добро и чистоту. Он счастлив сознанием своей свободы, своей независимости от проклятого мира. Пусть хрупка стена, которой он отгородился от скопища жестоких ханжей и дельцов, пусть хрупка стена — его любовь. Он свободен, он свободно и полно дышит в первый раз.

Крушение любви для него — конец предыдущей, возвращение во тьму. Возвращение невозможно. И потому всему конец. Осудив на смерть Нину, он, по существу, мертв уже и сам.

Марков почувствовал своего героя живым и страстным человеком. Не условным, не

литературным героем, на которого десятилетия наложили хрестоматийный глянец. Живым — это главное. Сыграл Арбенина живым. Со всей мощью души и сердца рассказал о трагическом поединке человека и «не людей», кончившемся поражением человека.

Актер вошел в спектакль, поставленный для другого исполнителя, «на» другого исполнителя главной роли, в спектакль условно — символического звучания. (Недаром мощь оркестра в нем, как голос рока, и сухая рука дирижера управляет судьбой, и сам он — безмолвный и бесстрастный — судит происходящее).

В странное и неожиданное взаимодействие вступил Марков — Арбенин со спектаклем и другими исполнителями. Живее, женственнее, горячее стала возле него прежде такая бестелесная, слишком хрупкая Нина — Т. Чернова. А в остальных черты марионеток, черты бездушных кукол, по чьей-то злой воле пущенных в жизнь, сгустились, стали очевиднее и ясней.

Роль сыграна. И — успех. Без снисхождения, без скидок на обстоятельства (ввод в готовый спектакль), без скидок на сложность задачи (роль-то какая — Арбенин!). Заслуженно, по праву пришедший успех. Конечно, кое-что может и должно быть доработано. Думается, что с большим вниманием стоит отнестись актеру к внешнему облику героя. Все-таки Арбенин — фигура романтической драмы. Излишняя заземленность, «простоватость» интонаций здесь неуместны.

Но успех, победа актера — есть. И здесь, в работе, открывшей нам нового Маркова, большая вера, настойчивость, упорство и исполнитель, и тех, кто был рядом с ним, прежде всего замечательного мастера Юрия Александровича Завадского, режиссера И. Данкман. Здесь еще и решение судьбы, будущей судьбы Леонида Маркова — драматического, трагического актера. Театр пошел на риск, театр поверил — и не обманулся в своей вере.

В. ТЕЛЕГИНА.